

УДК 316.773.4

А. Е. Перова

аспирант кафедры социологии факультета международной журналистики
Московского государственного института международных отношений (У)
МИД РФ; e-mail: aeperova@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ «НОВОЙ» КАТАСТРОФЫ: КЕЙС-СТАДИ АВАРИИ НА АЭС ФУКУСИМА-1 В ЯПОНИИ

В статье представлен социологический анализ нарративов явления «нового» катастрофизма на примере одной из недавних катастроф такого рода – ядерной аварии на АЭС Фукусима-1. В начале статьи представлен обзор особенностей нового катастрофизма и связанных с ним нарративов. Рассматриваются основные нарративы, локальные и общенациональные, свойственные японской культуре: нарративы природной катастрофы, антропогенной катастрофы, нарратив выживания и нарратив жертвы (дискриминации и суицида).

Ключевые слова: нарратив катастрофы; неокатастрофизм; авария на АЭС Фукусима; социология катастроф; инвайронменталистская социология.

Anastasiia E. Perova

Postgraduate Student, Department of Sociology, International Journalism
Faculty, MGIMO University (U); e-mail: aeperova@yandex.ru

LOCAL NARRATIVE OF A “NEW” CATASTROPHE BASED ON THE EXAMPLE OF THE FUKUSHIMA-DAIICHI NUCLEAR POWER STATION BREAKDOWN IN JAPAN

In the article, a sociological analysis of the narratives of “new” catastrophism is presented, based on the example of the nuclear accident at the Fukushima-Daiichi plant. Local narratives of the disaster are analyzed, which are typical for the Japanese culture. It should be outlined that while the survival despite the vicissitudes of life, linked to the narrative of an unavoidable natural disaster, is spoken about with pleasure (and it also provides the disaster with Japanese features), the technological disaster and the search for the ones to blame are not preferable topics for discussion among the Japanese.

Key words: disaster narrative; neocatastrophism; Fukushima nuclear power plant breakdown; sociology of disaster; environmental sociology.

Введение

В 2010-х гг. в социологии стало разрабатываться понятие нового катастрофизма. Дж. Урри, предложивший термин

«неокатастрофизм», приводил в качестве примеров волны экологических беженцев, опустынивание и истощение почв, истощение запасов нефти и газа, высококомобильные заболевания [Urry 2011, с. 36–47]. Другими словами, это малоизученные катастрофы, растянутые во времени и лишённые строгой локализации, неподконтрольные человеку.

Однако еще до возникновения социологии, просто в связи с необходимостью справляться с внутренними переживаниями, вызванными произошедшей катастрофой, вызванными ей смертями и потерей имущества, возникло средство, способствующее передаче опыта и коллективному обсуждению ее. Такая работа и одновременно проживание катастрофы и связанных с ней событий велась и ведется при создании нарратива.

Нарратив катастрофы – письменное или устное повествование о событиях разворачивающейся катастрофы, где сам нарратив лаконично можно определить, как «воспринимаемую последовательность неслучайно связанных событий» [Toolan 1988, с. 7]. Нарративы катастрофы могут различаться и развиваться, быть нарративом травмы (для семьи пострадавшего человека) или нарративом преступления (если обнаружится виноватая сторона).

Примечательно, что нарратив катастрофы обладает особой силой на многих уровнях жизни общества. Это не только психологическая поддержка. Он способен легитимизировать и делегитимизировать существующий политический дискурс, он также часто вписывается в нарратив подчиненной человеку природы – с той точки зрения, что катастрофа обнажает существующие уязвимости, которые, в свою очередь, связаны с действиями и решениями властей [Anderson 2011, с. 7–20].

Нарративы также способны развиваться во времени. Если рассматривать нарратив, возникший вокруг глобального потепления (этой «новой» катастрофы XXI в.), то социологи К. МакКомас и Дж. Шанахан называют пять стадий, которые он прошел: это предпроблемная стадия, период тревоги от обнаружения, общественное осознание значительного прогрессирования проблемы, постепенное снижение глубокого общественного интереса и постпроблемная фаза [McComas, Shanahan 1999, с. 30–57]. Сами нарративы сменялись с течением времени: если вначале они акцентировали внимание на скрытых опасностях и последствиях глобального

потепления, то на более поздних стадиях СМИ писали о противоречиях среди ученых.

Нарративы критичны для анализа событий, так как они позволяют вычлениить из всего хаоса окружающего мира значимое происходящее или его аспекты, описать их с интерпретацией – и в процессе коммуникации призвать к какому-либо действию [Jensena et al. 2013, с. 234–235].

Зададимся вопросом, каков потенциал «новых» катастроф порождать нарративы, и проследим, в чем их особенности. Здесь важным будет оценить, насколько комплексность подобного типа катастроф может создавать сложные, многосоставные или противоречащие друг другу нарративы. Кроме того, проследим насколько нарративы, возникшие вокруг аварии на АЭС Фукусима встраиваются в апокалиптический метанарратив.

Теоретико-методологической основой данного исследования является анализ социологической, антропологической и другой научной литературы по вопросам, связанным с аварией на АЭС Фукусима, и такие методы, как сравнение и анализ нарративов из академической литературы и прессы.

Авария на АЭС Фукусима 11 марта 2011 г.: кейс-стади «новой» катастрофы

Именно к «новым» катастрофам, раз в них соединяется природное и техническое начала, а по последствиям – глобальный и непредсказуемый характер, социологи относят такие удары стихии, как землетрясение и цунами у побережья Японии в марте 2011 г., при котором пострадала АЭС Фукусима [Яницкий 2013, с. 177]. Она пришлась на расцвет социальных медиа, она же получила 24-часовое освещение в мировых СМИ, став предметом ужаса и поводом для соболезнований для жителей всей планеты. В ней также в полной мере проявилась секвестрация знания, ведь и правительство, и оператор АЭС лишали пострадавших людей, потребителей рисков, знания о происходящей катастрофе и радиационной угрозе.

Катастрофа на атомной электростанции Фукусима-1 в Японии – это крупная радиационная авария, которая достигла 7 уровня по международной шкале ядерных событий INES. Ее можно со всей уверенностью назвать каскадирующей. Она состояла из нескольких

ударов: первыми тремя катастрофами были землетрясение силой в 8,9 балла по шкале Рихтера, последовавшее за ним цунами и авария на АЭС Фукусима-Даичи. Помимо этого, возникали и более локальные и мелкие бедствия, такие как пожары. «Четвертой катастрофой» стали «вредоносные» страхи и слухи (*fūhyō higai*), касающиеся безопасности морепродуктов, вследствие утечки радиоактивной воды после аварии на Фукусиме.

11 марта погибли около 18,600 человек, из них 94 % были убиты цунами, а 6 % – землетрясением, и связанными пожарами, оползнями, сердечными приступами, холодом, голодом и проч. Сюда также относятся 2,700 человек, чьи тела так и не были найдены. Землетрясение нанесло более широкий по географическому распространению урон, а последствия цунами были гораздо более локализованными, однако именно оно было ответственно за несравненно большее число смертей и разрушений [Gill et al. 2013, с. 3–7].

Авария на АЭС Фукусима-Даичи произошла в разгар катастрофы, невиданной со времен Второй мировой войны по масштабам потерь внутри страны. В этом смысле она уникальна, так как проходила на фоне небывалых усилий для борьбы с последствиями землетрясения и цунами.

«Местные» нарративы катастрофы

Авария на АЭС Фукусима-Даичи произошла в разгар катастрофы, невиданной со времен Второй мировой войны по масштабам потерь внутри страны. В этом смысле она уникальна, так как проходила на фоне небывалых усилий для борьбы с последствиями землетрясения и цунами.

Вокруг катастрофы 3.11 возникло несколько нарративов, к которым прибегают местные жители, рассказывающие о ней [Gill et al. 2013, с. 15–21].

Первый нарратив – *tensai* – говорит о природной катастрофе, цунами. Особенность есть в его возможных разночтениях: *tensai* в прямом переводе – «небесная» катастрофа, но есть еще вариант *tenbatsu*, или «небесная кара». Последний вариант не пользуется предпочтением, несмотря на всю его связь с религией (а в буддизме и синто есть такое понятие). Местные жители воспринимают катастрофу как неминуемую часть своей жизни, им не свойственно искать виноватого. Встречались случаи критики действий

правительства и местных властей, но все они были несущественны, пока не стало известно о нелегальном использовании средств и о взятках в борьбе с последствиями катастрофы.

Подобный фатализм можно найти отражение в следующих высказываниях. 85-летняя женщина из старого рыболовецкого рода Исиномаки, префектура Мияги, объяснила следующее: «Конечно, мы не ждали этого, мы совсем об этом не думали. Но догадываюсь, если бы вы нас спросили, любой из нас сказал бы, что это может наступить в любое время». Ей вторит другой интервьюируемый, рыбак из Минами Санрику, который потерял свою лодку при ударе стихии: «Невозможно подготовиться ко всему. <...> Невозможно прожить свою жизнь в ожидании катастрофы. Она наступит, когда наступит» [Gill et al 2013, с. 18].

В этот нарратив встраивается и буддийская идея о том, что катастрофа была не только неизбежна, но и в каком-то смысле нужна обществу. «По всей Японии люди страдали в течение долгого времени. Долгого времени. И цунами обнажило наши современные проблемы, и ограничения того, как мы заботимся друг о друге. Вот что произошло с нашей страной», – сказал японский священник, дзен-буддист [Mockett 2015, с. 43].

Второй нарратив – *jinsai* – говорит об антропогенной катастрофе, об аварии на ядерных реакторах. Он отличается от первого даже географически, так как есть районы, где жителям приходилось эвакуироваться из не пострадавших домов только из-за угрозы радиации – и в нем очень много места отводится поискам виноватого. Вину возлагают не только на компанию-оператора Терсо, но и на журналистов, неточно или предвзято освещавших события, на тогдашнего премьер-министра и все правительство. Само происшествие на АЭС было названо «человеческой катастрофой, которую можно и нужно было предвидеть и предотвратить» [Gill et al. 2013, с. 19], и некомпетентность властей в первую очередь основывается на многовековой истории борьбы Японии с последствиями сильных землетрясений и цунами. Этот нарратив также отличается большей амбивалентностью и меньшей скоростью разворачивания событий, и гораздо более длительными последствиями (по сроку рисков, с ними связанных).

В качестве примера можно привести речь главы деревни Нагадоро, в которой была объявлена добровольная эвакуация из-за

последствий радиации. «Прекрасно говорить “выметайтесь отсюда к черту”, но что нам предполагается делать после этого? Где рабочие места? Как мы должны зарабатывать на жизнь? По крайней мере, пока мы здесь, мы можем есть наш собственный рис и овощи» [Gill et al. 2013, с. 308].

Однако этот нарратив скорее замалчивался. Вот что сказал по этому поводу Т. Хаякава, главный монах буддийского храма в поселке Нараха префектуры Фукусима: «Существует атмосфера, которая не дает людям высказываться против. Если что-то представляет собой опасность, они не могут сказать, что это опасно. Если что-то неправильно, они не могут сказать, что это неправильно» [Featherstone 2016, с. 27].

В целом можно сказать, что при всей относительности такого деления, нарратив природной катастрофы объединяет людей в их общем горе, способствует формированию солидарности, в то время как нарратив антропогенной – разделяет из-за разных точек зрения на поиски виноватого или невозможности высказываться открыто.

Существует и еще один нарратив: уже не локальный, а общенациональный. Весь мир узнал о том, где находится префектура Фукусима на карте Японии, и страна не могла не ответить на катастрофу сплоченно, опираясь на многовековой опыт своей культуры. У возникшего нарратива травмы есть особый «налет» японской культуры. Японцы прибегали к термину *туйдō* (выживание несмотря на превратности судьбы), чтобы описать свое состояние и жизнь после удара цунами. Этот нарратив несколько стереотипен, так как он говорит о японцах, как о пассивных, но в то же время трудолюбивых и более предрасположенных (чем люди Запада) принимать или даже ценить удары стихии и исчезновение жизни [DiNitto 2014, с. 342–343].

Вот что известный писатель Харуки Мураками сказал по этому поводу: «Перспектива *туйдō*, согласно которой все вещи должны пройти, может пониматься, как безропотный взгляд на мир. <...> Но даже посреди этого смирения японцы способны деятельно обнаруживать источники подлинной красоты» [Murakami 2011, с. 2].

Х. Мураками назвал *туйдō* «одной из основных идей японской культуры», это концепт, берущий свои корни в буддизме. Он

означает, что ничто не вечно: все, приходящее в мир, изменяется и со временем исчезает. Японцы считают, что *mujo* наиболее точно описывает тот мир, в котором мы живем [Kimura, 2012, с. 66].

Примечательно и то, что авария на атомной электростанции породила определенную дискриминацию, что еще раз подчеркивает всю важность экологической справедливости в современном мире. Префектуру Фукусима относительно можно назвать «диким сельским севером», и японцы из Фукусимы столкнулись с негативным отношением со стороны «внешнего» мира. Это явление можно назвать нарративом жертвы – или, в этом конкретном случае, *hibakusha*. Также этот нарратив можно назвать подвидом нарратива антисолидарности, *jinsai*.

Для японцев, принявших решение остаться в родной префектуре, причиной тому является замалчивание информации об уровне радиации, отговорки правительства о «безопасности» аварии, подкрепляемые словами ученых и врачей, выбранных для того, чтобы говорить публике об отсутствии опасности для здоровья, когда люди боялись, что из них делают «подопытных кроликов» [Gill et al. 2013, с. 156].

Иногда, так как *hibakusha* получали дотации и определенные привилегии, они представлялись в таком качестве самостоятельно, иногда на них указывали другие люди, но всегда это «портило лицо», так как в Японии не принято выделяться [Drollette 2016, с. 100].

Во случае эвакуированных и уехавших самостоятельно – откровенно негативное приятие вынужденных мигрантов со стороны не только населения, но и некоторых политиков. К людям из префектуры Фукусима стали относиться, как к разносчикам радиации, в Интернете появились сообщения с высказываниями, полными страха, злобы и агрессии: «Вы источаете радиацию, не распространяйте ее на остальную Японию!» [Gill et al. 2013, с. 165].

В первое время дискриминация *hibakushi* слухи о возможных мутациях просочились даже в СМИ. В некоторых ток-шоу возникли разговоры о том, что не стоит жениться на девушках из пострадавшего региона, так как у их детей возможны проблемы на генном уровне [Drollette 2016, с. 100].

Остановимся на еще одном проявлении нарратива жертвы. Примечательно, что это часто очень индивидуалистский нарратив

человека, заключенного в свое одиночество. В Японии увеличивается число суицидов среди жертв катастрофы, что полиция называет случаями пролонгации посттравматического синдрома [Nagano 2015]. «В большинстве случаев эвакуированные люди живут в изоляции и им не хватает коммуникации с другими. Они выбирают умереть от голода, отказываясь от еды», – так объясняет проблему Д. Сиого, глава местной неправительственной организации города Иваки “*Kyodo-No-Tsudoi Net*”.

Заключение

Как писал немецкий социолог У. Бек, реальность становится продуктом деятельности «дискурсивных коалиций», которые «простираются через границы классов, национальных государств и систем и теперь занимают центральное место», так как именно они формируют когнитивные карты, нарративные фреймы и табу [Beck 2009, с. 89]. Как мы увидели, эти коалиции могут обладать экспертным знанием и говорить об отсутствии опасности в регионе, в течение уже нескольких лет страдающем от радиоактивных утечек, несмотря на разделяющие их границы государств. А могут быть объединены древней культурой страны, которую они любят – от простого рыбака до известного на весь мир писателя.

В целом, нами было выделено пять местных нарративов. Это доказывает сложность и комплексность аварии на АЭС Фукусима в восприятии ее социумом, и позволяет поставить ее в один ряд с другими «новыми» катастрофами, к изучению которых социология обратилась в недавнем времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ: Монография. М.: Институт социологии РАН, 2013. 258 с.
- Anderson M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. Charlottesville, University of Virginia Press, 2011. 241 с.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 260 p.
- DiNitto R. Narrating the cultural trauma of 3/11: the debris of post-Fukushima literature and film // Japan Forum, 2014, 26 (3). P. 340–360.
- Drollette Jr D. Fukushima Future Studies: five years later, what have we learned? // Bulletin of the Atomic Scientists, 2016, 72 (2). P. 97–104.

- Featherstone S.* The ghosts of Fukushima // *New Republic*, July-August, 2016. P. 22–29.
- Gill T., Steger B., Slater D. H.* (eds.) *Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011*. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. 328 p.
- Jensena A., van Bommelb S., Pedersena A. B., Nielsena H. Ø., Kuindersma W.* Framing climate change: new directions in Dutch and Danish planning strategies // *Planning Theory & Practice*, 2013, 14 (2). P. 233–247
- Mockett M. M.* *Where the dead pause and the Japanese say goodbye: a journey*. N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 2015. 336 p.
- Murakami H.* Speaking as an Unrealistic Dreamer // *The Asia-Pacific Journal*. 2011. # 9 (29).
- Nagano M.* Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees, 2015. URL: ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026
- Toolan M.* *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge, 1988. 260 p.
- Urry J.* *Climate Change and Society*. Malden: Polity Press, 2011. 200 p.